

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Никитина О.А. Опыт реконструкции родственных взаимоотношений в дворянской среде на рубеже XIX–XX вв. (по материалам эпистолярного наследия профессора Н. Е. Жуковского) // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 4. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.4.71296 EDN: MWNABQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=71296

Опыт реконструкции родственных взаимоотношений в дворянской среде на рубеже XIX–XX вв. (по материалам эпистолярного наследия профессора Н. Е. Жуковского)

Никитина Ольга Андреевна

ORCID: 0000-0003-2377-0588

Сотрудник Научно-просветительского и экспозиционного отдела; Научно-мемориальный музей профессора Н. Е. Жуковского; Государственный музей истории космонавтики имени К. Э. Циолковского

109029, Россия, г. Москва, ул. Талалихина, 1к2, кв. 115

✉ nikitina@gmik.ru

[Статья из рубрики "Социальная история"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.4.71296

EDN:

MWNABQ

Дата направления статьи в редакцию:

19-07-2024

Дата публикации:

20-08-2024

Аннотация: Эпистолярные источники, т. е. письма, обладают значимым информационным потенциалом для исследования и выявления неформальных связей, межличностных отношений, эмоций и переживаний тех или иных исторических личностей. Это особенно ценно при изучении истории отдельной семьи, жившей в другой эпохе, и взаимоотношений между родственниками. При этом на рубеже XIX–XX вв. письма были основным средством коммуникации для образованной части населения Российской империи. В фокусе исследования – ученый-механик Николай Егорович Жуковский и его семейные связи. Предмет исследования – взаимоотношения профессора Н. Е. Жуковского и его внебрачной дочери Е. Н. Жуковской. Данный кейс

важен с точки зрения выявления возможностей для интеграции внебрачных детей дворян в российское привилегированное общество на рубеже XIX–XX вв. При работе с эпистолярными источниками в качестве ключевого метода автором применялся контент-анализ в сочетании с методом анализа проблемных ситуаций. Научная новизна исследования состоит в введении в научный оборот неопубликованных ранее писем и черновиков из семейной переписки профессора Жуковского. При этом личные тексты авторства профессора и его родственников впервые рассматриваются в оптике, характерной для научных работ, выполненных в рамках антропологического подхода. В результате исследования был доказан потенциал эпистолярных источников при изучении межличностных связей и при реконструкции семейных отношений дворян, живших в Российской империи на рубеже XIX–XX вв. Переписка позволила увидеть и оценить неформальные контакты между незаконнорожденной дочерью профессора и его дворянской родней. На следующем уровне была произведена реконструкция родственных отношений: было установлено, что профессор Жуковский смог сконструировать новый статус для своей внебрачной дочери. На формальном уровне – официальное удочерение, дворянский статус и образование, на неформальном – возведение ее в ранг хозяйки дома. Анализ семейной переписки профессора Жуковского также позволил выявить значимость слабого здоровья дочери для специфики их отношений и весомость этой темы во внутрисемейном дискурсе. Исследованный кейс раскрывает некоторые типичные черты менталитета пореформенного дворянства, синтез либеральных веяний с пережитками старого уклада, которые сохранялись даже после либерализации правовой системы.

Ключевые слова:

история семьи, гендерная история, эго-документы, источники личного происхождения, эпистолярные источники, семейные отношения, дворяне, внебрачные дети, ученые, история повседневности

В системе социогуманитарного знания наблюдается растущий интерес к антропологическим методам в исследованиях. Фокус ученых смещается в сторону малых социальных групп, повседневной жизни, реконструкции межличностного взаимодействия небольших коллективов и даже отдельных семей, воссоздания внутреннего мира и психологии конкретного человека, жившего порой несколько столетий назад. Микроисторический подход оказывается наиболее продуктивным, если применяется с опорой на источники личного происхождения, в которых зафиксированы такие стороны жизни людей, которые остаются неучтенными в статистических данных и делопроизводственных документах — речь идет об эмоциях и переживаниях, неформальных связях, неофициальном статусе и влиянии того или иного человека на определенную группу лиц. К таким источникам личного происхождения относится эпистолярное наследие прошлого — переписка, письма.

В центре настоящего исследования — личность и межличностные связи профессора Николая Егоровича Жуковского (1847–1921), ученого-механика, «отца русской авиации». Он родился во времена крепостничества, его учеба и профессиональное становление пришлось на пореформенный период, он пережил четверых российских императоров, свержение монархии. В его судьбе, жизненном пути и поступках можно увидеть противоречия переломной эпохи рубежа XIX–XX вв., влияние как старых ментальных установок и предрассудков, так и либеральных веяний. Нам представляется, что реконструкция повседневной семейной жизни профессора Жуковского, углубление в психологию его семьи и со

циальной группы может быть полезной для изучения социальной истории России пореформенного периода, менталитета русского дворянства в целом и московской профессуры в частности.

В настоящей работе мы предлагаем анализ семейных отношений профессора Н. Е. Жуковского, в первую очередь — его взаимоотношений с внебрачной дочерью, Е. Н. Жуковской. У профессора Жуковского было двое внебрачных детей: дочь Елена (1894–1920) и сын Сергей (1900–1924). Для исследования были выбраны отношения с дочерью, поскольку анализ как фондовых документов, так и воспоминаний родственников и знакомых профессора показал, что к настоящему дню источников, связанных с сыном профессора, сохранилось крайне мало и они недостаточно репрезентативны. Исследование того, по какой причине не осталось достаточных свидетельств взаимоотношений Жуковского с сыном, в перспективе может стать темой для отдельной работы.

Таким образом, предметом нашего исследования являются взаимоотношения профессора Н. Е. Жуковского с его внебрачной дочерью Е. Н. Жуковской. Исследование этих взаимоотношений включает в себя выявление особенностей межличностных коммуникаций, вопросов гендерных ролей и последующую реконструкцию повседневной жизни рассматриваемой семьи. Для этого в ходе исследования важно выявить, в какой мере на специфику семейных взаимоотношений профессора с дочерью влияли такие факторы, как сословная принадлежность, социальный и профессиональный статус, материальное положение, а также традиции русской ментальности. Работая в рамках микроисторического и антропологического подходов, мы ставим в центр нашего исследования внутренний мир профессора Жуковского во всем многообразии его чувств, эмоций и отношений с членами его семьи.

Для начала рассмотрим степень изученности исследовательского поля вокруг личности профессора Жуковского. Еще в первой половине XX в. было опубликовано несколько вариантов слабо отличающихся между собой биографий профессора [\[1, 2\]](#), главным образом раскрывающих его как ученого-механика. Фрагментарные упоминания семьи профессора в данных биографических изданиях носили описательный характер и практически полностью дублировали сведения, содержащиеся в воспоминаниях племянницы профессора Жуковского Е. А. Домбровской, впоследствии неоднократно переизданных [\[3\]](#). Среди публикаций в периодических научных изданиях также отсутствуют аналитические работы о семейных отношениях профессора Жуковского: так, в фокус исследований неоднократно попадало его научное наследие [\[4, 5, 6\]](#), рассматривалась его общественная [\[7\]](#) и педагогическая [\[8, 9\]](#) деятельность. Отметим также вышедшую в свет в последнее десятилетие книгу, написанную потомком семьи Жуковских — Е. Р. Домбровской (род. 1945), посвященную ее родословной [\[10\]](#). Однако данное издание имеет ярко выраженный религиозно-художественный характер и рассматривает историю этой семьи с религиозной точки зрения, что не позволяет воспринимать эту книгу как научное исследование, хотя ценность данного издания как источника семейных преданий рода Жуковских не подлежит сомнению.

Отдельно хотелось бы отметить публикации, посвященные Жуковскому либо рассматривающие его вклад в развитие науки и техники, которые увидели свет за последние три года [\[11, 12, 13\]](#): это показывает неослабевающий интерес к личности этого выдающегося ученого. Следует учесть, что в этих последних работах помимо обзора научной деятельности профессора имеются упоминания его семьи, родителей, однако они, не являясь предметом исследования, фрагментарны и основаны на общеизвестных сведениях.

Таким образом, мы видим, что самостоятельной аналитической работы, в которой бы рассматривался кейс семьи профессора Жуковского и его взаимоотношений с дочерью как

отражение типичных черт меняющегося дворянского общества Российской империи последней трети XIX в. — первых двух десятилетий XX в. до сих пор не появилось, а имеющиеся работы, сообщающие о семье Жуковского, написаны еще в советское время и носят описательный характер.

Научная новизна данной работы обусловлена, с одной стороны, впервые введенными в научный оборот фондовыми материалами — личными письмами и черновиками профессора Жуковского, а с другой — исследовательской оптикой и методологией на стыке с исторической антропологией. Рассмотрим более подробно каждое из этих утверждений.

В архиве Научно-мемориального музея профессора Н. Е. Жуковского (далее — музейные фонды) в именном рукописно-документальном фонде профессора числится 1225 единиц хранения, среди которых находятся рукописи его работ, различные документы, переписка с коллегами, учеными и просто с близкими людьми, фотографии. Текстовые документы, как правило, записаны чернилами либо напечатаны на машинке, но с подписью профессора. Среди документов встречаются как подлинники, так и копии, однако эпистолярный корпус представлен в оригинале. Архивные единицы данного личного фонда после смерти профессора были переданы в него на хранение его родственниками и учениками, частными лицами и организациями [\[14, с. 101\]](#).

Источниковая база данного исследования главным образом включает в себя архивные материалы, хранящиеся в музейных фондах, многие из которых ранее не публиковались. В первую очередь речь идет о письмах. В структуре именного фонда профессора Жуковского его эпистолярное наследие классифицировано на шесть разделов, суммарно включающих в себя 580 писем в 180 единицах хранения. Из них 230 писем относятся к переписке Жуковского с родственниками: 190 писем, написанных Жуковским, и 39 писем, которые были отправлены ему родными. Источником для настоящего исследования в первую очередь является переписка профессора с родственниками, однако эпизодически мы будем привлекать и письма к иным лицам, если в них содержатся важные упоминания о семье. Как мы увидим далее, многие из данных источников вводятся в научный оборот впервые: отдельные семейные письма и их фрагменты были размещены в книге воспоминаний племянницы профессора Жуковского Е. А. Домбровской [\[3\]](#), однако полный корпус эпистолярного наследия Жуковского до сих пор не опубликован и хранится в музейных фондах. Ценными также являются примечания, приписки и черновики писем, хранящиеся в этом архиве — они также никогда ранее не публиковались.

Вспомогательными источниками предлагаемого исследования выступают мемуары и воспоминания лиц, связанных с профессором Жуковским и его дочерью: это воспоминания племянницы Жуковского Е. А. Домбровской (в девичестве — Микулиной) [\[3\]](#), которая была лично знакома с его семьей, семейные предания из книги ее внучки и тезки Е. Р. Домбровской [\[10\]](#), которая приходится Жуковскому правнучатой племянницей, воспоминания Е. П. Файдыш [\[15\]](#), в замужестве — Турманиной, гимназической подруги дочери Жуковского, а также воспоминания учеников профессора Жуковского, некоторые из которых до сих пор не опубликованы и хранятся в музейных фондах [\[16\]](#).

Теоретико-методологический аспект работы тесно связан со спецификой отобранных источников. Перед тем, как предложить характеристику письмам как историческим источникам, нам кажется целесообразным рассмотреть в целом категорию эго-документов. Эго-документы являются обобщающим понятием, которое применимо к обозначению писем, мемуаров и дневников и которое практически тождественно понятию источников личного происхождения [\[17, с. 8\]](#), [\[18, с. 101-102\]](#). В нашем случае также следует принять во внимание

и то, что эпистолярный жанр для XIX в. был основным средством коммуникации образованной части населения, что повышает его репрезентативность именно для исследований и истории этого периода.

Источники личного происхождения более субъективны, нежели формальные делопроизводственные документы, однако для исследования семейных отношений, специфики взаимодействия автора писем с адресатами, глубинных переживаний исторической личности такие источники незаменимы, а их субъективность может восприниматься скорее как плюс. Благодаря субъективности автора дневника или письма мы можем выявить и оценить особенности восприятия этим автором окружающей действительности и взаимоотношений с другими людьми, а также провести анализ межличностных коммуникаций, если мы исследуем семейные отношения [\[19, с. 6\]](#). С учетом того, что мы располагаем целым собранием личных писем профессора Жуковского, нам представляется, что эти письма раскроют для нас его личность точнее, чем книги-биографии о нем, составленные более полувека назад.

Главное отличие письма от других видов источников личного происхождения — его диалогичность, расчет на реакцию адресата, это — коммуникация другому лицу. Наличие получателя письма является обязательным. Письмо «реактивно», т. е. является реакцией и откликом на предыдущие сообщения адресата, если речь о переписке. Это всегда диалог, разговор с другим лицом, и на письмо тем или иным образом влияет специфика того, для кого оно написано [\[20, с. 47\]](#).

Основную роль в общении переписка начинает играть в том случае, когда корреспонденты находятся в разных городах, либо же один из них находится в отъезде. Именно к такой категории относится переписка профессора Жуковского с родственниками: он жил в Москве, а они находились во Владимирской губернии либо же по долгу службы находились в иных местах. Кроме того, множество писем Жуковский присылал родственникам, находясь в командировках. Переписка Жуковского с родственниками велась исключительно от руки.

По классификации Е. И. Прохорова, письма делятся на три категории: предназначенные для последующей публикации и обнародования критико-публицистические или литературно-художественные письма-произведения, официальные деловые письма и частные письма, аккумулирующие в себе акты личного общения, иными словами — личная переписка [\[21, с. 18-19\]](#). Письма профессора Н. Е. Жуковского и его ближайшего окружения, находящиеся в центре настоящего исследования, очевидно следует отнести к третьей группе.

С учетом того, что настоящее исследование отличается тем, что основным его источником являются письма профессора Жуковского, целесообразно отметить, что в последние годы продолжают появляться научные работы, основанные на анализе переписок исторических личностей [\[22\]](#), реконструкции семейных взаимоотношений на основе личных писем [\[23\]](#), в том числе — семейных писем профессоров математики, являвшихся современниками профессора Жуковского [\[24\]](#). Появление таких работ свидетельствует об актуальности применяемого подхода и направления исследовательской деятельности.

В рамках проведения исследования основным специальным методом при работе с текстами писем являлся контент-анализ, который позволил как выявить функциональные элементы содержания, так и определить закономерности. Кроме того, мы обращались к методу анализа проблемных ситуаций. При этом кейс семьи профессора Жуковского рассматривался в контексте и в неразрывной связи с социальной и сословной историей означенног

о периода.

Для того, чтобы начать рассматривать кейс профессора Жуковского и его дочери, следуем кратко охарактеризовать происхождение профессора, его родительскую семью и отношения с женщиной, родившей ему дочь. Мы сознательно сделаем это довольно сжато, поскольку анализ любовной драмы профессора и его родительской семьи выходит за рамки предмета настоящего исследования.

Николай Егорович Жуковский родился 17 (5 ст. ст.) января 1847 г. имении Орехово Владимирской губернии в семье потомственных дворян [\[25, с. 10-11\]](#); [\[26, с. 10-12\]](#). Его отец, Егор Иванович, часто отсутствовал в родном имении по долгу службы, что стало одной из причин того, что еще до смерти Егора Ивановича в 1883 г. главой семьи сделалась мать Жуковского — Анна Николаевна Жуковская, урожденная Стечкина. Она была властной женщиной строгих правил и традиций [\[10, с. 182\]](#). Более чем шестьдесят лет сын Николай находился под ее полной опекой, не имея никакой самостоятельности в родном доме [\[25, с. 32\]](#).

Официально профессор Жуковский никогда не был женат, однако в 1890 г. в доме Жуковских появилась прислуга — крестьянка Надежда, которая была на 23 года моложе профессора. Из-за того, что профессор сошелся с прислугой, его властная мать организовала ее брак с кондуктором конки Алексеем Антиповым, однако Надежда вскоре добилась раздельного проживания с мужем, вернулась к Жуковскому и стала его сожительницей [\[1, с. 30\]](#); [\[10, с. 127-128\]](#); [\[3, с. 111-112\]](#). Тем не менее, официально в брак они так и не вступили: уже на этом этапе проявилась зависимость профессора Жуковского от позиции крайне консервативной и религиозной матери.

20 мая (ст. ст.) 1894 г. у профессора Жуковского и Надежды родилась дочь, которой дал имя Елена [\[25, с. 34\]](#). Лена стала первым ребенком Николая Егоровича, которому тогда было уже 47 лет. Юридически Лена считалась дочерью мужа Надежды — Алексея Антипова. Именно под фамилией «Антипова» девочка была записана во всех основных документах. Мать Жуковского запрещала ему признать незаконнорожденного ребенка своим [\[3, с. 116\]](#). «Девочка росла непризнанная, оставаясь Антиповой все гимназические годы, хотя жила с отцом и бабушкой» [\[10, с. 129\]](#), — пишет о детстве Лены Екатерина Романовна Домбровская, родственница Жуковских. Официально профессор и его дочь не считались родственниками [\[27, с. 111\]](#).

Тем не менее, мать Жуковского, Анна Николаевна, общалась со своей незаконнорожденной внучкой. Она обучала ее чтению и счету [\[3, с. 116\]](#), а также французскому языку, была с ней временами весьма ласкова. Подруга Лены, с которой та обучалась в дальнейшем в гимназии, в своих воспоминаниях отмечала, что Лена читала только то, что одобряла ее бабушка — Анна Николаевна [\[15\]](#). В этих же воспоминаниях отмечено, что у Лены из-за общения с бабушкой сформировался очень громкий голос: она привыкла громко разговаривать с Анной Николаевной из-за глухоты старой дворянки, и по привычке отвечала таким же образом в классе и в годы обучения в гимназии. По некоторым свидетельствам, учеба в гимназии Лене также была предложена Анной Николаевной [\[28, с. 95\]](#).

Однако у нее наблюдались и перепады в настроении и отношении к ребенку: Анна Николаевна редко пускала Лену в свои комнаты, приказывала ей, будто служанке, позвать барина (то есть профессора Жуковского) к обеду, в письмах то писала «Надя с девочкой», никак не уточняя, что речь идет о ее родной внучке, то снисходила до «Надя и Лена целу

ют ваши ручки» [10, с. 129, 148-149]. Несмотря на совместное проживание с ребенком, Анна Николаевна препятствовала официальному признанию девочки частью семьи и не разрешала Лене называть Жуковского отцом [26, с. 16]. Лена для нее была скорее «милая дочка служанки Нади», но никак не родная внучка голубых кровей. Таким образом, несмотря на внешнюю суровость, в источниках мы видим наличие вежливого контакта между матриархом семьи Жуковских и неофициальными членами семьи профессора, однако формального признания их полноценными и полноправными Жуковскими от Анны Николаевны не было.

В письмах, которые хранятся в музейных фондах, Анна Николаевна в 1901–1906 гг. неоднократно называет дочь Николая Егоровича «Ленка» [29, 30]. Это не обязательно несло пренебрежительный характер, поскольку обращение «Ленка» встречается и в письмах других родственников, которые были дружны с Леной. Например, в 1906 г. племянница Жуковского Вера Александровна, которая была на 9 лет старше Лены, так сообщила дяде о его 12-летней дочери: «Ленка здорова и все мы вообще в хорошем виде. Целую крепко» [31].

Через 6 лет после рождения дочери у Жуковского и Надежды родился мальчик, которого называли Сергеем, но женщина уже не смогла его кормить по состоянию здоровья и отправила его к сестре в деревню [3, с. 134, 138]. В 1904 г. Надежда умерла от туберкулеза в возрасте 34 лет [3, с. 145], [16]. Туберкулез уносил тогда больше жертв, чем войны, лишал трудоспособности даже крепких мужчин [32, с. 26]. В тот же год Жуковский с 10-летней дочерью переехал жить на новый адрес в Москве.

Целесообразно рассмотреть, насколько внебрачная дочь профессора Жуковского была интегрирована в круг его многочисленных родственников, и принимали ли они ее как «свою». Позицию матери профессора мы уже рассмотрели выше, однако помимо нее в семье были и другие представители благородного сословия. Для ответа на поставленный вопрос снова обратимся к эпистолярному наследию семьи Жуковских. Для начала рассмотрим, как к Лене относилась младшая дочь Веры, сестры Николая Егоровича — Екатерина Александровна Микулина, в замужестве — Домбровская. Катя и Лена были дружны в юности, несмотря на разницу в возрасте — Катя была на 8 лет старше Лены [3, с. 175]. Об их теплых взаимоотношениях можно судить по письмам, которые девушки отправляли друг другу. Например, сохранилось подробное письмо самой Лены, посланное Екатерине в честь ее именин. «Какая обида, что мы так скоро уехали из деревни, очень у вас хорошо, — пишет Лена. — А издали кажется еще лучше в деревне. У нас все тоже. Все уже успели перебивать, встречали нас так, как будто мы целый год были в отсутствии» [33]. В этом же письме Лена сообщает о здоровье профессора Жуковского. Отдельного внимания заслуживает следующий фрагмент письма, написанный Леной с определенным чувством юмора: «Какая досада, что я утащила тетины башмаки, я бы их с удовольствием переплавил обратно, но в виду того, что у меня только одни башмаки, не знаю, что делать. Посоветуй» [33]. И Николай Егорович, отправляя письма Екатерине, сообщал ей просьбы Лены передать от нее поздравления [34].

В свою очередь, сохранились письма, которые писала Екатерина в адрес Лены и Николая Егоровича. В музейных фондах хранится пять писем Екатерины отцу и дочери Жуковским [35]. Фразы, адресованные Лене, наполнены нежностью. «Милая Леночка, напиши мне, пожалуйста, день, когда будут праздновать юбилей дядичкин, я к этому дню и приеду», — пишет Катя. Также заметно, как сильно Катя ждала писем от Лены. «Жду с нетерпением

ием письма от Леночки, ты мне, миленькая, не ленись писать — четырех страниц не требуется, а хоть несколько слов». Или, к примеру, в другом письме: «Леночка, миленькая, ты не ленись, пиши мне почаще». Она также интересуется, что происходит в жизни Лены: «Напиши, какая тема для сочинения на праздники» или «Лена, на какие пьесы пойдете в театр?».

Летом Лену увозили в Орехово, либо же она гостила у тети по материнской линии. В период обучения Лены в гимназии это обстоятельство упоминается в письмах Жуковского к дочери и к сестре Вере Егоровне. Так, в 1911 г. профессор писал своей сестре, что его дочь может не спешить возвращаться в Москву, поскольку «по случаю ремонта в гимназии и Виноградской молебен назначен на 25 августа, а классы пойдут с 26 августа» [36]. Письмо Лене — более нежное: «Милая Леночка! Я ходил в твою гимназию, и там мне сообщили, что молебен будет 25 августа, а учеба начнется 26» [36]. Затем профессор сообщает дочери, что, в связи с этим, Лена может дольше времени провести в деревне. Он просит, чтобы дочь написала письмо домой.

В письмах профессора родственникам довольно часто содержатся упоминания Лены, что говорит о том, что новости о его дочери были одной из типичных тем для обсуждения в его переписке с членами семьи. Так, зимой 1909 г. он рассказал в письме своей племяннице Вере о небольшом повседневном эпизоде, связанном с 14-летней Леной: «Когда я приехал вчера из Технического училища и лекций, то меня встретила Лена, подпрыгивающая на аршин от пола, и сразу объявила радостную весть» [37]. Какую весть она объявила, правда, Жуковский в письме не уточнил, зато написал племяннице о планах дочери посетить Глуховскую церковь.

В письмах, написанных самой Леной, также чувствуется уважение и теплота по отношению к родным по отцовской линии. «У нас все было бы прекрасно, если бы не заболела тетечка желудком, да настолько сильно, что пришлось ей лечь в постель» [38], — писала Лена отцу в 1915 г. о болезни его сестры Веры Егоровны. В свою очередь, когда Лена сильно заболела в 1920 г. и слегла, за ней стала ухаживать двоюродная сестра — Вера Александровна, дочь той самой Веры Егоровны [10, с. 644]. Она и упомянутая выше Катя впоследствии занимались похоронами Лены.

Таким образом, мы видим, что между Леной и «официальными» детьми из семейства Жуковских, между ней и ее кузинами и тетей на неформальном уровне не было никаких отличий и препятствий к общению. Схожая ситуация наблюдалась не только с родственниками, но и с коллегами и знакомыми профессора. Еще в период обучения дочери в гимназии и Жуковский вводил ее в свой круг общения, так что она проводила свободное время с приятелями своего отца. Согласно переписке Жуковского с родными, его дочь Лена была желанным гостем дома у его знакомых Белкиных [39]. Знакома она была и с профессурой. 24 декабря 1915 г. профессор Жуковский написал другому профессору механики Е. А. Болотову письмо, в котором поздравил коллегу с праздником Рождества Христова и добавил: «Леночка шлет Вам поклон и поздравление с праздником» [40].

Теперь рассмотрим, как происходил процесс усыновления детей Жуковского, и с какими препятствиями мог столкнуться профессор. Обратимся к законодательной базе означенного исторического периода. Еще за три года до рождения Лены император Александр III позволил признавать внебрачных детей законными при условии вступления родителей в брак, однако для профессора Жуковского, как мы видим, такой путь не работал: законный статус не могли приобрести дети, родители которых не могли пожениться по причине,

например, смерти [\[41, с. 40\]](#).

Незаконнорожденные дети дворян длительный период времени были лишены определенных сословных прав, но это не мешало их родителям давать им хорошее образование, что можно видеть и на примере дочери профессора Жуковского. К концу первого десятилетия XX в. частная Виноградская женская гимназия считалась лучшей в Москве [\[15\]](#). Для поступления девочки родители должны были написать личное заявление и приложить ее свидетельство о рождении. После сдачи экзаменов и получения аттестата девушки становились учительницами на дому или же могли преподавать в начальных классах училищ.

Одновременно с этим в начале XX в. отмечается очередной этап либерализации российского законодательства в отношении внебрачных детей дворян. В 1902 г. дети, рожденные вне брака, получили право не только носить фамилию своего отца, но и наследовать его имущество [\[42, с. 254\]](#). Их можно было официально усыновлять, причем для этого был упрощен порядок действий. Дети потомственных дворян при этом приобретали личное почетное дворянство [\[41, с. 40\]](#). Статус незаконнорожденных сменился статусом внебрачных детей. Однако Жуковский еще в течение десяти лет не занимался оформлением подобных документов. Далее мы увидим, по какой причине.

Обучение в Виноградской гимназии началось для Лены в 1903 г. после успешного окончания ею начальной приходской школы. О получении очередной «пятерки» ребенка незамедлительно докладывалось Николаю Егоровичу [\[27, с. 114\]](#). В 1909 г. в гимназии стала обучаться ставшая впоследствии близкой подругой Лены Евгения Файдыш. В своем дневнике через две недели после начала обучения в гимназии Женя оставила запись о Лене, отметив, что Лена Антипова (еще не Жуковская, как мы видим) — первая ученица класса, отличница [\[15\]](#). В 1911 г. Лена успешно сдала выпускные экзамены в гимназии и получила аттестат [\[3, с. 187\]](#). В выпускном альбоме она была подписана все еще как «Антипова» [\[15\]](#).

После окончания гимназии Лена продолжила получение образования на математическом отделении Московских высших женских курсов. Перед этим профессор Жуковский писал своему ученику и другу С. А. Чаплыгину, директору Московских высших женских курсов, о том, что у Лены имеются все шансы, чтобы поступить в это учебное заведение. Черновики этого письма сохранились в музейных фондах. «Глубокоуважаемый Сергей Алексеевич! — начинал составлять свой черновик профессор Жуковский, — Весною Леночка подавала на курсы прошение на математическое отделение. У нее выходит 5,5 баллов и, вероятно, она без затруднения может быть принята» [\[43\]](#). Затем он начинает писать о документах Лены, связанных с ее удочерением, однако не завершает черновик.

17 апреля 1912 г. в возрасте 95 лет скончалась мать Жуковского [\[26, с. 13\]](#). Теперь Николай Егорович, наконец, смог юридически усыновить своих же собственных детей и дать им свою фамилию. Елена Антипова стала Еленой Жуковской. Мы уже установили, что по закону оформить документы на усыновление профессор мог еще десятью годами ранее. Но также мы видим, что мысли о том, чтобы удочерить Лену, посещали профессора еще до смерти его матери, судя по черновику письма С. А. Чаплыгину. К сожалению, после фразы «Бумагу об ее усыновлении в...» [\[43\]](#) Жуковский оставляет письмо незавершенным, в таком виде черновик и сохранился в музейном архиве.

В фондах Научно-мемориального музея профессора Н. Е. Жуковского хранится предметная (зачетная) книжка Лены периода ее учебы на Высших женских курсах. На титульном л

исте отмечено, что книжка принадлежит слушательнице математического отделения физико-математического факультета Московских высших женских курсов Елене Николаевне Жуковской, окончившей курс в Московской частной женской гимназии госпожи Виноградской. Предметная книжка за № 86/12 выдана Елене 18 сентября 1912 г. и подписана деканом факультета В. Ф. Давыдовским [\[44\]](#). Таким образом, всего через несколько месяцев после смерти бабушки-аристократки девушка уже была официально Жуковской.

А что же насчет дворянского статуса Елены Николаевны? Обратимся к источникам. В 1911 г., когда Лена окончила Виноградскую гимназию, в возрасте 17 лет ее подруга Евгения Файдыш, уже упоминавшаяся выше, вступила в брак с 19-летним студентом Николаем Голышевым, а спустя два года родила дочь Люсю. В Центральном государственном архиве г. Москвы находится метрическая книга за 1913 г., где имеется запись о крещении девочки Людмилы, дочери Николая Голышева и его жены Евгении, рожденной 11 февраля и крещенной 22 февраля 1913 г. Восприемниками, то есть крестными родителями девочки указаны ученик училища живописи, ваяния и зодчества Петр Петрович Файдыш, брат Евгении, и дворянка Елена Николаевна Жуковская [\[45, л. 9\]](#).

Итак, мы видим, что по состоянию на 1912 г. — год смерти матери профессора — Лена была официально удочерена Жуковским, получила от него отчество, фамилию и стала дворянкой. Сначала Жуковский оформил отцовство над дочерью и лишь спустя несколько лет — над сыном. В музейных фондах хранится прошение Жуковского от 28 февраля 1916 г. о том, чтобы ему выдали копию акта удочерения Елены, поскольку такой документ был ему необходим для предоставления в окружной суд при прошении об усыновлении ее брата Сергея, который в этой записке Жуковского упомянут под своим именем, данным при рождении — Сергей Алексеевич Антипов, тогда как Елена именуется уже Николаевной и под фамилией профессора [\[46\]](#).

Итак, мы видим, что на рубеже XIX–XX вв. внебрачные дети дворян принимались обществом, имели связь со своими родителями, успешно интегрировались не только в свою дворянскую семью, но и в дворянское общество. Законодательно тоже намечалась либерализация в делах, связанных с усыновлением, поскольку уже теряло всякий смысл искусственно делить детей на законных и незаконных: после отмены крепостного права разница в статусе между родителями таких детей уже не была столь ярко выражена [\[41, с. 41\]](#). Но на примере семьи профессора Жуковского мы видим, как сильны порой могли быть традиции и предрассудки, и все это одновременно с тем, что непосредственно законодательные препятствия к усыновлению более не считались проблемой.

Рассмотрим теперь межличностную коммуникацию непосредственно между отцом и дочерью. Несмотря на то, что первоначально у Лены в документах был записан другой отец, Николай Егорович с детства стремился к общению с девочкой. Совместное времяпровождение с ребенком вызывало у профессора трепет, и, к сожалению, он не всегда мог справиться с переживаниями из-за того, что не мог официально считаться и числиться ее отцом — племянница профессора Е. А. Домбровская отмечала, что в тот период Жуковский стал рассеянным, замкнулся в себе, мог даже забыть, как зовут кого-нибудь из его знакомых [\[3, с. 116\]](#).

Как уже отмечалось нами выше, мать Жуковского запрещала его незаконнорожденным детям обращаться к нему, как к отцу. В музейных фондах сохранилось письмо 12-летней Лены, написанное отцу-профессору. В письме, датированном 20 июня 1906 г., девочка обращается к отцу «Барин!», рассказывает новости о жизни в селе Орехово, чем занимаются родственники и какая стоит жаркая погода. Упоминает она и своего брата Сергея, кот

орому на тот момент было 6 лет. «Мы занимаемся с Сережей учением, кланяемся вам и барыне» [38], — завершает свое письмо Лена. Барыней она называла в письмах мать профессора Жуковского [10, с. 129].

Лена, по воспоминаниям ее гимназической подруги Евгении Файдыш, называла Жуковского «дядечкой» [15]. Это же мы видим и в письмах. «Дядечка чувствует себя хорошо» [33], — писала Лена в одном из писем к своей двоюродной сестре Екатерине Микулиной. Она, с детства не имевшая возможности называть Жуковского своим отцом, даже во взрослом возрасте по привычке звала его «дядей», а также использовала теплое личное обращение «родной». Этим же словом она называла его в письмах, адресованных другим людям [3, с. 198]. «Родным» Лена называла профессора и в более поздних письмах, например, в 1919 г. [47]. Можно видеть всю нежность в отношении Лены к своему отцу [27, с. 111].

Например, в одном из писем 1915 г. из Орехово, где Лена проводила свои летние каникулы, девушка пишет: «Дорогой мой родной дядечка, наконец-то наступила теплая погода, сегодня первый жаркий день» [38]. Она подробно описывает, какие события происходят в Орехово и просит привезти минеральную воду для заболевшей тетушки. «Я чувствую себя прекрасно и уже успела настолько загореть, что сделалась похожей на негра», — иронично подмечает Жуковская. «Дядечка, вспомни также о священниках», — добавляет Лена в письме и просит привезти чего-нибудь съестного для монахов.

В музейных фондах сохранилась и более поздняя переписка Николая Егоровича с дочерью. Весной 1917 г., уже после Февральской революции, Николай Егорович писал дочери новости про своего сына Сережу [48]. Очень трогательны обращения отца к дочери. «Милая Лена», — начинал одно из своих писем Николай Егорович, а завершил его словами: «Твой Н. Жуковский» [49].

Жуковский и Лена много времени проводили вместе, любили совместные вечерние прогулки [27, с. 111]. Они любили ходить в театр, на выставки и лекции. О театре, к примеру, писала в письмах отцу и дочери Жуковским Е. А. Микулина: «Думаем пойти в театр несколько раз, — размышляла она в одном из писем к Николаю Егоровичу. — Ты, дядичка, наверное, тоже пойдешь с Леной». А у Лены в том же письме спрашивала о том, какие пьесы они планируют посмотреть [35].

Совместные прогулки отца с дочерью вспоминал ученик Жуковского В. П. Ветчинкин. К прогулкам порой присоединялись ближайшие ученики профессора. Ветчинкин отмечал, что в конце жизни Жуковского «такие прогулки становились все реже, и заменялись посещением кино — по преимуществу приключенческих фильмов» [16]. В кино Жуковский брал и свою дочь, и других родственников [10, с. 515]. Как вспоминал А. А. Архангельский, недалеко от дома, где Жуковский жил с дочерью, располагался театр «Колизей». Дочь профессора звонила туда, чтобы бронировать места отцу и его сопровождающим для просмотра фильмов [26, с. 236].

В музейных фондах хранится письмо Лены, отправленное Николаю Егоровичу в 1915 г. из Орехово, где она отдыхала. В нем она упоминает Ветчинкина, и становится понятно, что она регулярно взаимодействовала со студенческой молодежью, которая окружала ее отца, в частности, состояла с этими студентами в переписке. «Я очень благодарна Владимиру Петровичу за его письмо о том, как все в Москве, — пишет Лена. — Передавай ему мой привет» [38]. Ветчинкин упоминался и в иных эпистолярных источниках. «Это письмо п

ердаст тебе В. П. Ветчинкин» [\[49\]](#), — писал в одном из своих писем к дочери профессор .

Супругом Лены также стал один из учеников профессора Жуковского. 19 октября 1919 г. профессорская дочь вышла замуж за Б. Н. Юрьева [\[27, с. 112\]](#), дворянина, который был на несколько лет ее старше [\[50\]](#). Примечательно, что проживать они стали в доме отца Лены — в ее собственной девичьей комнате, которая располагалась рядом с кабинетом профессора Жуковского [\[3, с. 213\]](#). После замужества Лена начала подписываться в письмах фамилией мужа — «Елена Юрьева» [\[47\]](#).

Формальный статус дочери Жуковского мы разобрали, проанализировав историю ее удочерения и получения ею образования. Теперь обратим внимание на неформальный статус . Мы помним, что во главе многопоколенной семьи профессора стояла его мать, Анна Николаевна: она была хозяйкой, матриархом их семьи. После ее смерти функции главной управительницы дома с соизволения профессора Жуковского перешли к его дочери: теперь она получила статус неформальной хозяйки профессорского дома. Последние годы жизни Анны Николаевны семья Жуковского жила в следующем составе: Жуковский, его мать, его дочь, а также две домработницы — экономка Петровна и горничная Катя. Хозяйство вела до самых преклонных лет сама Анна Николаевна, сохраняя за собой свой неформальный статус, но ей было тогда уже более девяноста лет, поэтому главным лицом, по воспоминаниям, была Петровна [\[16\]](#) (Прасковья Петровна Кузнецова [\[10, с. 155\]](#)). Сведения об участии и помощи Лены в хозяйстве в годы жизни ее бабушки отсутствуют полностью.

Источники позволяют сделать вывод о том, что этого почетного неформального статуса хозяйки дома Лена, которой вот-вот должно было исполниться 18 лет, добилась отнюдь не благодаря своим волевым качествам или достижениям: этот статус был ей приписан отцом [\[16\]](#), и ей пришлось учиться ему соответствовать, а две домработницы должны были оказывать ей помощь. Об этом свидетельствует письмо, которое Лена писала в тот период своей двоюродной сестре. В нем она сообщала, что теперь «ужасно важничает»: специально для ведения хозяйства она завела толстую тетрадь [\[3, с. 195\]](#). О своих успехах в качестве домоправительницы она заметила, что пробовала готовить обед вместе с Петровной, но сильно порезала руку. Впоследствии Лене все же удалось стать хорошей хозяйкой. Она очень заботилась об отце, который был практически не приспособлен к быту, и создавала ему условия для комфортной жизни [\[27, с. 114\]](#); [\[25, с. 32\]](#). Как вспоминал конструктор В. Л. Александров, хозяйкой в доме профессора считали Лену [\[25, с. 196-197\]](#). День рождения Лены стал одним из главных и традиционных праздников в доме. Студенты Жуковского помогали профессорской дочке готовиться к празднованию, поскольку у нее самой и двух ее помощниц-домработниц не хватило бы ни времени, ни сил на такую работу [\[16\]](#).

Таким образом, благодаря решениям профессора Жуковского после смерти его матери Лена получила не только официальное признание по документам, но и была помещена на ту иерархическую ступень неформального покровителя дома, которая до этого принадлежала матриарху Анне Николаевне. Также мы видим, что, в отличие от Анны Николаевны, Лена изначально не соответствовала по своим качествам и умениям тому неформальному статусу, который ей приписал отец. Судя по письмам, пока была жива Анна Николаевна, кандидатура Лены не воспринималась всерьез относительно позиции новой хозяйки дома, отсутствовало ее обучение хозяйственным делам. Отметим также гендерный аспект: статус неформального управителя дома, в котором жил профессор Жуковский, после смерти его матери вновь получила женщина. Утратив давление матери, он, бывший ранее нес

амостоятельным, не принял на себя роль единоличного хозяина хотя бы в собственном доме, и передал эту ответственность другому человеку — снова женщине, причем неопытной.

Далее, нам представляется важным отметить, что дочь профессора была не просто его близким другом, но и помощницей в его научной деятельности. Она обучалась на Высших женских курсах на математическом отделении и была в курсе тем, над которыми работал ее отец. Учеба на курсах Елены Николаевны, правда, не была стабильной — предметная книжка говорит о том, что она уходила в академический отпуск, между семестрами отмечаются длительные пропуски, и весной 1919 г. Лена все еще продолжала свою учебу на женских курсах [\[3, с. 212\]](#). Самостоятельных научных работ у дочери Жуковского тоже так и не появилось, как и работ в соавторстве со своим отцом.

Тем не менее, остались свидетельства того, что Жуковский привлекал Лену к своей научной деятельности. В частности, он брал дочь с собой на XIII съезд естествоиспытателей и врачей, который в 1913 г. проводился в Тифлисе — об этом Жуковский писал в письме племяннице Вере [\[51\]](#).

Это был не единственный случай. В музейных фондах хранятся фотоснимки, запечатлевшие Жуковского с дочерью в 1916 г. возле аэродинамической трубы Московского университета рядом с профессором Н. Н. Бухгольцем [\[52\]](#). Дочь профессора неоднократно присутствовала в командировках Жуковского, на ученых заседаниях, при посещении им лабораторий и даже аэродромов [\[15\]](#). Профессор даже позволял дочери проводить занятия для своих студентов, оставляя их на ее попечении. Также она помогала профессору готовить карточки с условиями задач для студентов технического училища, где он работал: переписывала их более аккуратным почерком [\[8, с. 369\]](#). Таким образом, она помогала своему отцу и в его педагогической деятельности.

Конструктор В. Л. Александров вспоминал, что Жуковский приводил Лену в их аэродинамическую лабораторию, а также поручал ей передавать его ученикам или коллегам необходимые им материалы для исследований, когда самого профессора не было дома [\[25, с. 196-197\]](#). Ученик Жуковского Ветчинкин вспоминал, что его учитель иногда просыпался позже обычного, и «тогда посетителей принимала Елена Николаевна, которая всех располагала к себе своей приветливостью и умной, интересной, лишенной всякой банальности и обыденщины, беседой» [\[16\]](#). Таким образом, мы видим еще одно подтверждение признания профессором гендерного равенства — он поощрял образование своей дочери и ее занятие наукой.

Теперь уделим внимание еще одному вопросу, который мог влиять на взаимоотношения Жуковского и его дочери: речь идет о состоянии здоровья Елены. Профессор был вынужден жить в страхе за здоровье дочери, поскольку от матери ей передались слабые легкие и предрасположенность к туберкулезу, что довольно рано выявили во время медицинского осмотра. Девушку лечили, а она заболела вновь [\[26, с. 62\]](#). Тема здоровья дочери занимает весьма значимое место в эпистолярном наследии Жуковского и его родственников. Нам представляется целесообразным уделить этому внимание, поскольку, на наш взгляд, постоянная тревога и страх потерять дочь могли оставить отпечаток на характере и их взаимоотношений, повлиять на еще большее сближение отца и дочери, объяснить столь покровительственное отношение Жуковского к Елене и то, почему даже о взрослой дочери, давно уже совершеннолетней, он продолжал писать как о хрупком маленьком ребенке.

Так, еще в годы обучения в гимназии у дочери профессора имелись проблемы со здоровьем: в возрасте 12 лет она заболела ветряной оспой. Сохранилось письмо Жуковского племяннице Екатерине Микулиной от 22 ноября 1906 г. «Леночка у нас тоже расхворалась, — писал Жуковский, — У нее ветряная оспа, которая теперь подсыхает, и Леночка чувствует себя теперь очень хорошо» [\[34\]](#). А две недели спустя Николай Егорович писал уже своей сестре Вере: «Леночка от оспы совсем поправилась. Доктор говорит, что в ближайшей четверти ее можно выпустить в гимназию» [\[53\]](#).

Поскольку с детства дочь обладала слабым здоровьем, Николай Егорович периодически показывал ее лучшим врачам. Ребенку советовали следить за здоровьем, не простужаться и не утомляться — беречь себя. Это вынуждало отца беспокоиться за нее еще сильнее, порой даже в самых обычных ситуациях. Так, согласно воспоминаниям племянницы профессора, Жуковский совершенно лишился рассудка, когда узнал, что Лену подшиб на улице какой-то мальчик, и она разбила губу. Профессор не смог в тот день сесть за работу и сидел рядом с дочерью, пока она спала [\[3, с. 151-152\]](#).

Весной 1913 г. Жуковский поехал с дочерью за границу, чтобы показать ее европейским докторам. Что же касается вердикта медиков относительно здоровья Лены, то Николай Егорович писал в письмах о том, что легкие и сердце девушки, по их мнению, в порядке, однако ей свойственна общая слабость. Девушке были прописаны лекарства и предписан режим [\[54\]](#). «Надо будет оберегать Леночку, которая несколько поправилась за поездку», — писал профессор своей племяннице Вере Александровне 30 апреля 1913 г. из Франкфурта-на-Майне, куда возил дочь [\[51\]](#).

Ученик Жуковского Ветчинкин в своих воспоминаниях, хранящихся в музейных фондах, писал о том, как дочь поддерживала Николая Егоровича в военное время, когда под влиянием чрезмерно напряженной работы профессор ослаб и не мог уже чувствовать себя комфортно во время передвижения в трамваях и с помощью извозчиков: в этот период дочь старалась не отпускать профессора одного по вечерам. Студенты Жуковского провожали своего учителя на заседания различных научных обществ, поскольку Лена «была слишком слаба, чтобы поддерживать его на скользкой дороге или посадить в тесный трамвай» [\[16\]](#).

В одном из писем к родственнице М. А. Микулиной профессор Жуковский писал о своих планах поехать с Леной на лето 1919 г. в санаторий Ильинское. Позади письма имеется приписка самой Лены, где она сообщает о том, что ее отец «теперь почти поправился, и мы уезжаем, наверное, в понедельник вслед за ним в санаторий» [\[47\]](#).

Гражданская война и тяжелые условия жизни в Москве в 1918–1920 гг. подорвали здоровье профессора и его дочери еще сильнее. К началу 1920 г. Лена опять заболела: у нее поднялась высокая температура, она ослабла. В феврале 1920 г. с воспалением легких слег и сам профессор [\[1, с. 82\]](#), дочь которого несмотря на собственные проблемы со здоровьем взяла на себя заботы об отце. В итоге профессор Жуковский стал поправляться, а Лена, наоборот, навсегда слегла [\[26, с. 62-63\]](#). В связи с ухудшением здоровья Лены был созван консилиум по ее здоровью, в котором приняли участие опытные и весьма известные доктора. У Лены был обнаружен прогрессирующий туберкулез.

Было принято решение увезти Лену в санаторий «Высокие горы». Считалось, что три-четыре месяца лечения в санаториях способны серьезно повлиять на состояние больного и вернуть ему трудоспособность [\[32, с. 23-25\]](#). 15 мая 1920 г. Николай Егорович не мог спать

, мучился бессонницей и смог уснуть лишь под утро благодаря снотворному. Лена к тому моменту была уже мертва, но профессору этого еще не сообщили — не знали, сможет ли он пережить эту новость. Он узнал о ее смерти лишь на следующий день — 16 мая [\[3, с. 214-215\]](#). В музейных фондах имеется следующая информация о заболевании Лены в одном из хранящихся там писем: «Ее постоянный туберкулезный процесс перешел в острую форму, которая закончилась туберкулезным менингитом, отчего она и умерла» [\[55\]](#). Елена не успела завести своих детей. С учетом того, что дата смерти девушки указана уже по григорианскому календарю, получается, что она не дожила двух недель до своего 26-летия, а ее супругу тогда было 30 лет [\[25, с. 34\]](#).

Похороны Елены занялись ученики Жуковского и его племянницы — двоюродные сестры умершей. Для погребения девушки был выбран некрополь Донского монастыря [\[10, с. 96\]](#). По воспоминаниям, на похоронах дочери профессор Жуковский плакал над ее гробом [\[26, с. 63\]](#). Соболезнования по поводу смерти дочери профессору Жуковскому выразили не только близкие, но и организации, с которыми сотрудничал профессор, в частности, Совет Московского Высшего Технического училища [\[56\]](#).

Среди писем Жуковского к М. А. Микулиной имеется одно письмо 1920 г., написанное после смерти и похорон Лены. На письме имеется приписка находившейся с ним в санатории Усово племянницы Веры, в которой раскрывается состояние профессора после случившейся трагедии. «Николай Егорович перенес это горе пока что сравнительно благополучно, т.к. сердце выдержало и нервы тоже, — пишет Вера Александровна, — но что будет дальше — не знаю, конечно, ему громадной помощью является наука, и она, конечно, его утешает во всем, но я не очень покойна относительно его здоровья» [\[55\]](#). Вера пишет, что они были на похоронах Лены. «Очень все это тяжело» [\[55\]](#), — заключает она.

Жуковский, несмотря на возможность отвлечься на любимую науку, крайне тяжело переживал смерть дочери. Он ходил по полям, не находя себе места [\[25, с. 33\]](#). О тяжести его состояния можно судить по его письмам. «Скончалась моя дорогая Леночка, — писал Николай Егорович в письме к М. А. Микулиной. — С ней была связана вся отрада моей жизни» [\[55\]](#). Вскоре у него произошло кровоизлияние в мозг [\[57, с. 94\]](#). Прожил он с тех пор меньше года и умер от последствий инсульта в санатории Усово 17 марта 1921 г. в возрасте 74 лет [\[25, с. 33\]](#). «Потеряв любимую дочь Елену Николаевну, Николай Егорович сам с горя заболел и через несколько месяцев скончался» [\[16\]](#), — писал его ученик Ветчинкин. В воспоминаниях Г. А. Амирьянца также высказывается мнение, что смерть дочери стала причиной последующей скорой смерти самого профессора. Он упоминает, что ближайшие ученики Жуковского даже на эмоциях обвинили мужа Лены, Юрьева, что он не уберег ее, и из-за этого все они потеряли любимого учителя [\[58, с. 158\]](#).

Николая Егоровича Жуковского похоронили рядом с Леной. Гранитная плита на ее могиле располагается слева от могилы «родного» [\[59, с. 228, 288\]](#). Справа же спустя три года после смерти профессора появилась и могила его сына Сергея, скоропостижно скончавшегося от перитонита [\[57, с. 98\]](#).

В результате проведенной работы мы пришли к заключению, что эпистолярные материалы в качестве источников для реконструкции семейных взаимоотношений полностью оправдали себя. Такие источники позволяют восстановить те аспекты межличностных коммуникаций и личностных аспектов корреспондентов, которые остаются скрытыми в официальном документообороте. Так, эпистолярные источники обозначают типичный для исследуе

мых лиц круг тем, вопросов для обсуждения, показывает тон, стиль письма, формы обращений друг к другу — формальные и неформальные.

Нам представляется, что несмотря на то, что как в исследованных письмах, так и в воспоминаниях, которые обогатили наш корпус источников, фактически отсутствовала рефлексия на политические события и процессы, семейные взаимоотношения профессора Жуковского представляются ярким примером столкновения влияния традиционного уклада провинциального дворянства и пореформенных прогрессивных веяний в России на рубеже XIX–XX вв. Поэтому мы рассмотрели эти отношения в контексте социально-политической обстановки в стране.

Говоря о семейных взаимоотношениях профессора Жуковского и его внебрачной дочери, мы делаем вывод о том, что истоки их специфики содержатся в родительской семье профессора. Эмоциональная зависимость от матери и унаследованное от нее повиновение дореформенным дворянским традициям повлияли на то, что Жуковский при жизни своей матери не усыновлял своих же незаконнорожденных детей, хотя по закону еще с 1902 г. мог официально это сделать.

Семейный прецедент Жуковского дал возможность исследовать грани межсословной интеграции. На примере дочери Жуковского мы видим, что относительно молодое поколение дворян, московская профессура, интеллигенция принимали незаконнорожденную девочку за «свою», и благодаря письмам мы увидели, что дружеские контакты с «чистокровными» дворянами у дочери Жуковского существовали и на неформальном уровне. Мать Жуковского, человек старых порядков, официально ребенка не признавала, но некую двойственность мы все же выявили: она участвовала в воспитании и образовании ребенка.

Освободившись от давления матери, Жуковский — вряд ли до конца осознанно и целенаправленно — сконструировал новый статус своей внебрачной дочери: формальный и неформальный. Удочерение и официальное признание дочери привело не только к изменению ее фамилии и отчества, но и к дарованию ей дворянства. Также профессор Жуковский оплатил ей учебу — статус дворянки, фамилия родного отца и образование сконструировали ее новый формальный статус. Что касается неформального статуса, то он был «передан» ей сразу после смерти матери Жуковского — статус хозяйки-управительницы в доме. Письма сообщают о том, что дочь была неподготовлена к новой роли и не воспринималась бабушкой-аристократкой в качестве «наследницы» своего статуса главы семьи, однако, в связи с распоряжениями Жуковского и его неготовностью самому стать во главе хозяйства — заниматься учетом, расходами, семейным бюджетом. Возможно, бессознательно Жуковский все-таки стремился снова видеть главой семьи женщину, что актуализирует гендерный аспект изучаемого вопроса. Гендерное равенство с дочерью прослеживалось и в том, что дочь, обучавшаяся на математическом отделении женских курсов, понимала труды своего отца и воспринималась им как компаньонка — он даже брал ее с собой на научные мероприятия и привлекал к помощи в подготовке к занятиям.

Поскольку в родительской семье профессора Жуковского лидирующую позицию занимала его мать, благодаря такому материнскому образу в его сознании не было восприятия женщины как чего-то слабого и второстепенного в мире мужчин, он не видел, что женщина может занимать лишь подчиненное положение в семье. Поэтому профессор не навязывал подобную подчиненную роль и своей юной дочери — наоборот, он поощрял ее образование, занятие вроде бы мужским делом — наукой, а после смерти своей матери наделил дочь полномочиями в управлении хозяйством, которые до этого принадлежали его властной матери.

Несмотря на то, что родительская семья профессора Жуковского, в которой он был воспитан, имела ярко выраженный традиционный уклад, его новая, малая семья, была гораздо более либеральной, что заметно на примере отношений профессора Жуковского и его дочери: это больше партнерство, нежели авторитарный патриархат. Мы не увидели в письмах и привлеченных в рамках исследования воспоминаниях директивных указаний и давления на дочь — максимум это было проявление заботы о дочери, очевидное в письмах Жуковского. И это при том, что до революции гендерное неравенство все же сохранялось как в правовом поле, так и в ментальном.

Оригиналы писем дочери Жуковского стали ценным свидетельством того, какие формы обращения она использовала по отношению к своему отцу — в частности, тот факт, что отцом она его так и не начала называть до конца жизни, однако подбирала к нему иные нежные обращения. Также письма помогли установить еще одну тему, которая красной нитью проходила сквозь внутрисемейный эпистолярный дискурс: слабое здоровье дочери, постоянный страх Жуковского за ее самочувствие, чрезмерная опека в совокупности с волевым влиянием дочери как чего-то хрупкого, ранимого, отношение к ней почти как к ребенку. К сожалению, опасениям Жуковского было суждено сбыться: дочь умерла молодой. Переживания нанесли тяжелый удар по здоровью профессора — он сам после смерти дочери и прожил меньше года. Письма также помогли заглянуть в это непростое время в жизни профессора, прочесть его строки об ушедшей дочери и увидеть, как за него волновались родные.

Нам представляется, что семейная история профессора Жуковского отражает некоторые типичные черты пореформенного общества и дворянства в частности, сочетая в себе как влияние старых аристократических предрассудков, так и либеральных взглядов, среди которых утверждение гендерного равенства и стирание межсословных границ. Материалы о семейных взаимоотношениях Жуковского, в частности, затронутые нами письма в сочетании с результатами настоящей работы имеют потенциал для дальнейших исследований в области исторической психологии.

Библиография

1. Голубев В. В. Николай Егорович Жуковский. М.: Издательство «Бюро новой техники НКАП», 1941. 94 с.
2. Лейбензон Л. С. Николай Егорович Жуковский. М., Л.: Издательство Академии наук СССР, 1947. 183 с.
3. Домбровская Е. А. Николай Егорович Жуковский. 1847–1921 гг. Воспоминания и материалы к биографии. Издательский отдел ЦАГИ, 2007. 223 с.
4. Логвинович Г. В., Шорыгин О. П. Работы Н. Е. Жуковского в области гидродинамики // Ученые записки ЦАГИ. 1997. Т. 28. № 1. С. 65-72.
5. Гиневский А. С. Н. Е. Жуковский и промышленная аэродинамика // Ученые записки ЦАГИ. 1997. Т. 28. № 1. С. 73-84.
6. Тюлина И. А., Чиненова В. Н. Ранние работы Н. Е. Жуковского по кинематике жидкого тела // Чебышевский сборник. 2019. Т. 20. № 3. С. 506-513.
7. Свищев Г. П. Научное наследство Николая Егоровича Жуковского и авиация // Ученые записки ЦАГИ. 1972. Т. 3. № 1. С. 1-18.
8. Шкапов П. М. О создании кафедры теоретической механики и одноименной научно-педагогической школы в Императорском Московском Техническом Училище (к 170-летию со дня рождения Николая Егоровича Жуковского) // Наука и образование. МГТУ им. Н. Э. Баумана. Электронный журнал. 2016. № 12. С. 366-377.
9. Крылов С. В. «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью». К 100-летию создания Военно-воздушной инженерной академии имени профессора Н. Е. Жуковского // Военно-

исторический журнал. 2020. № 11. С. 71-81.

10. Домбровская Е. Р. Воздыхания окованных. Русская сага. СПб.: «Издательский дом "ПервоГрад"», 2017. 752 с.

11. Яковлев В. И. Николай Егорович Жуковский (1847–1921) (к 175-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти) // Вестник Пермского университета. Математика. Механика. Информатика. 2022. № 1 (56). С. 29-37.

12. Богданов А. Н. Механики. 100 лет без Н. Е. Жуковского // Вестник Российской академии наук. 2022. Т. 92. № 1. С. 23-34.

13. Ипатов А. М. «Воздушный флот России должен быть сильнее воздушных флотов наших соседей». Предпосылки создания Военного воздушного флота в Российской империи в 1912 году // Военно-исторический журнал. 2023. № 8. С. 4-13.

14. Красильщиков А. П., Рубина Н. В. Рукописно-документальный фонд Н. Е. Жуковского // Ученые записки ЦАГИ. 1997. Т. 28. № 1. С. 101-104.

15. Воспоминания Евгении Петровны Турманиной (урожденной Файдыш). Подготовка текстов, фотографий, писем и сносок А.М. Сереберцева. М.: 2003. – [Электронный ресурс] URL: <https://www.liveinternet.ru/users/4316166/rubric/2600545/>, дата обращения: 30.11.2023 в 16:43.

16. ГМИК НЕЖ КП 3777/383.

17. Козлов С. В. Эго-документы в структуре исторической памяти // Библиосфера. 2022. № 4. С. 5-11.

18. Бусырева Е. В. Семейные архивы как хранилище памяти об истории рода (на примере финских и карельских семей Мурманской области) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2022. № 1. С. 100-111.

19. Белова А. В. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно-чувствительной социальной истории // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2007. № 2. С. 5-14.

20. Алексеев А. Н. Письмо, дневник, автобиография: многообразие форм и сопряжение смыслов (теоретико-методологические заметки) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2007. № 4. С. 46-56.

21. Прохоров Е. И. Издание эпистолярного наследия // Вопросы текстологии. 1964. №. 3. С. 6-60.

22. Геронимус Е. М. Переписка Л. Н. Толстого и А. И. Герцена как кульминационная точка их взаимоотношений // Филологический класс. 2023. Т. 28. № 2. С. 130-139.

23. Синова И. В. Семейные взаимоотношения российского военно-морского офицера Н. В. Копытова: по материалам эпистолярных источников 1866–1897 гг. // Вестник РУДН. Серия: История России. 2023. Т. 22. № 3. С. 408-420.

24. Тарумова Н. Т. Эпистолярное наследие как источник изучения творческой личности на примере семейной переписки Н. В. Бугаева (1837–1903) // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 1. С. 282-286.

25. Н. Е. Жуковский / Ред. С. Л. Чернышев. М.: Наука, 2007. 274 с.

26. Жуковский Н. Е. Жизненный путь и научное наследие ученого / Ред. А. И. Желанников, Б. А. Фомкин. М.: Издательский дом Академии имени Н. Е. Жуковского, 2013. 620 с.

27. Юрьева Л. М. На волнах времени (Воспоминания об академике Б. Н. Юрьеве). М.: Издательство МАИ, 1989. 214 с.

28. Гумилевский Л. И. Чаплыгин. М.: «Молодая гвардия», 1969. 272 с.

29. ГМИК НЕЖ КП 348/904/54.

30. ГМИК НЕЖ КП 353/904/59.

31. ГМИК НЕЖ КП 5424/916/1.

32. Борьба с туберкулезом. Санаторий «Высокие горы» // Строительство Москвы. 1924.

№ 1. С. 23-27.

33. ГМИК НЕЖ КП 5424/907/4.

34. ГМИК НЕЖ КП 354/907/3.

35. ГМИК НЕЖ КП 5424/917.

36. ГМИК НЕЖ КП 362 904/71.

37. ГМИК НЕЖ КП 361/906/5.

38. ГМИК НЕЖ КП 5424/913.

39. ГМИК НЕЖ КП 358/904/66.

40. ГМИК НЕЖ КП 209/823/2.

41. Крылова А. А. Незаконнорожденные дети дворян в Российской империи: права и социальный статус // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2016. Т. 16. № 4. С. 38-43.

42. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Изд. Дмитрий Буланин, 2003. Т. 1. 548 с.

43. ГМИК НЕЖ КП 5424/806/4.

44. ГМИК НЕЖ КП 5115/388/4.

45. ЦГАМ. Ф. 203. Оп. 782. Д. 206.

46. ГМИК НЕЖ КП 463/1023.

47. ГМИК НЕЖ КП 289/908/7.

48. ГМИК НЕЖ КП 428/900/2.

49. ГМИК НЕЖ КП 362/900/1.

50. ГМИК НЕЖ КП 2987/20-1.

51. ГМИК НЕЖ КП 427/906/6.

52. ГМИК НЕЖ КП 136/513.

53. ГМИК НЕЖ КП 355/904/60.

54. ГМИК НЕЖ КП 426/906/7.

55. ГМИК НЕЖ КП 437/908/8.

56. ГМИК НЕЖ КП 5424/1032.

57. Лазарев Л. Л. Взлет. Документально-художественная повесть. М.: Профиздат, 1978. 272 с.

58. Академик С. А. Чаплыгин / Ред.-сост. Г. С. Бюшгенс. М.: Наука, 2010. 286 с.

59. Артамонов М. Д. Московский Некрополь. М.: Столица, 1995. 432 с.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Отзыв на статью «Опыт реконструкции родственных взаимоотношений в дворянской среде на рубеже XIX–XX вв. (по материалам эпистолярного наследия профессора Н. Е. Жуковского)»

Предмет исследования - обозначен в названии и разъяснен автором в тексте статьи. Автор отмечает, что изучение взаимоотношений профессора Н. Е. Жуковского с его внебрачной дочерью Е. Н. Жуковской дает возможность выявить гендерные роли в семье, способствует реконструировать повседневную жизнь семьи профессора и показать внутренний мир величайшего русского ученого.

Методология исследования базируется на принципах научности, историзма и системности. Статья написана на основе опубликованных источников (мемуаров) и

архивных документов (воспоминаний и писем профессора Н.Е. Жуковского и его родных и близких (они являются основным источником), а также его людей, которые были в той или иной степени с профессором и его дочерью. Работа с текстом документов и определила методологию исследования и основным методом стал метод контент-анализа, который «позволил как выявить функциональные элементы содержания, так и определить закономерности». Автор также использовал метод анализа проблемных ситуаций.

Актуальность темы определяется личностью Николая Егоровича Жуковского, видного русского ученого-механика, «отца русской авиации» профессора МГУ, который родился в переломный период истории России. Автор статьи справедливо отмечает, что в судьбе Н.Е.Жуковского, «жизненном пути и поступках можно увидеть противоречия переломной эпохи рубежа XIX–XX вв., влияние как старых ментальных установок и предрассудков, так и либеральных веяний.. представляется, что реконструкция повседневной семейной жизни профессора Жуковского, углубление в психологию его семьи и социальной группы может быть полезной для изучения социальной истории России пореформенного периода, менталитета русского дворянства в целом и московской профессуры в частности».

Научная новизна работы определяется постановкой проблемы, задач и методологией исследования. Новизна также определяется тем, что работа является первым исследованием, в котором изучается история семьи профессора, взаимоотношения в семье и отношение к его дочери в семье, а также взаимоотношения профессора и его дочери на основе личных писем профессора и его семьи, а также воспоминания людей, которые в той или иной мере были связаны с его семьей, значительная часть архивных источников вводится в научный оборот впервые.

Стиль, структура, содержание. Стиль статьи научный, есть и элементы описательности, что делает текст доступным не только для специалистов, но и широкого круга читателей. Структура статьи направлена на достижение цели и задач статьи и логично выстроена. В начале статьи автор обосновывает и актуальность изучения малых социальных групп, повседневной жизни людей, воссоздания внутреннего мира и психологии конкретного человека и т.п. Отмечает он также продуктивность микроисторического подхода при изучении отмеченных вопросов «с опорой на источники личного происхождения, в которых зафиксированы такие стороны жизни людей, которые остаются неучтенными в статистических данных и делопроизводственных документах — речь идет об эмоциях и переживаниях, неформальных связях, неофициальном статусе и влиянии того или иного человека на определенную группу лиц».. В начале статьи автор раскрывает предмет исследования, актуальность темы, задачи исследования, источники и методологию исследования. В статье дан качественный анализ источников и литературы по теме, показано какие вопросы требуют дальнейшего изучения, отмечены те вопросы, которые автор планирует раскрыть в данной статье. В тексте статьи на примере семьи Н.Е. Жуковского рассмотрены вопросы сословных отношений а также показаны грани межсословной интеграции, родственные взаимоотношения и другие вопросы. В тексте статьи много интересных данных об отношении к его дочери со стороны его родных (матери, сестер, племянниц и т.д.), ее воспитания и образования. Текст статьи логично выстроен и последовательно изложен. Текст читается с интересом, т.к. в нем много деталей, показывающих особенности семьи Н.Е. Жуковского и взаимоотношений между членами семьи на формальном и неформальном уровне, теплоту отношений между отцом и дочерью, их взаимную заботу и т.д. В заключении статьи автор делает обоснованные выводы и пишет, что «семейная история профессора Жуковского отражает некоторые типичные черты пореформенного общества и дворянства в частности, сочетая в себе как влияние старых аристократических

предвзятых, так и либеральных взглядов, среди которых утверждение гендерного равенства и стирание межсословных границ. Материалы о семейных взаимоотношениях Жуковского, в частности, затронутые нами письма в сочетании с результатами настоящей работы имеют потенциал для дальнейших исследований в области исторической психологии».

Библиография работы является несомненным достоинством работы и состоит из 56 источников (это монографии, статьи по теме исследования и смежным темам, мемуарная литература и архивные материалы (письма семьи Н.Е.Жуковского и его родных).

Апелляция к оппонентам представлена в полученной в ходе работы информации по теме, проведенного анализа и полученных выводов по исследуемой теме. Апелляция к оппонентам представлена также в библиографии, которая поможет получить ответы на вопросы по исследуемой теме.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья написана на актуальную тему и вызовет интерес у специалистов и широкого круга читателей, всех кто интересуется социальной историей России конца XIX- начала XX в., жизнью российского дворянства.